

Роль идей У. Куайна в осмыслении сущности правовой реальности

W. Quine's ideas role in legal reality essence understanding

Равочкин Н.Н.

канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин Кемеровского государственного сельскохозяйственного института
e-mail: nickravochkin@mail.ru

Ravochkin N.N.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Law and Humanitarian Disciplines Department, Kemerovo State Agricultural Institute
e-mail: nickravochkin@mail.ru

Аннотация

В статье предпринята попытка проследить влияние идей видного представителя аналитической философской традиции У. Куайна на современную философию права, в частности – на постижение сущности правовой реальности через его воззрения на эпистемологию. Проводится обращение как к классическим куайновским работам, так и к современным трудам, являющимся фундаментом в решении данной проблемы. Определено, что единство науки и метафизики применительно к философии права позволяет минимизировать слабые стороны аскриптивной и дескриптивной теорий. Выявлены возможности постижения права через языковую реальность, которая представляется значимой для всей лингвистической философии. Приведены принципы милосердия и доверия. В заключение автор дает оценку о том, что влияние куайновских идей позволяет трактовать современное понимание права как динамично развивающейся системы.

Ключевые слова: философия права, аналитическая философия, идеи, роль идей, право, язык, У. Куайн, эпистемология, правовая реальность, правоприменение, аналитическая философия права, общество.

Abstract

The article attempts to trace the influence of the ideas of W. Quine who is a prominent representative of philosophy of modern law analytical tradition, in particular, on the comprehension of legal reality essence through his views on epistemology. An appeal is being made both to classical Quain works and to modern works, which are the foundation for solving this problem. It is determined that the unity of science and metaphysics in relation to the philosophy of law to resolve the weaknesses of the ascriptive and descriptive theories. The revealed possibilities of comprehension of the right through the language reality, which seems to be significant for the entire linguistic philosophy. The principles of charity and trust are given. In conclusion, the author gives an assessment that the influence of Quine's ideas allows us to interpret the modern understanding of law as a dynamically developing system.

Keywords: philosophy of law, analytical philosophy, ideas, the role of ideas, right, language, W. Quine, epistemology, legal reality, law enforcement, analytical philosophy of law, society.

Одной из существенных проблем в современных интеллектуальных поисках представляется натурализация эпистемологии в аналитической философии права, равно как и следующие из этого возможности построения натурализованной юриспруденции. На то имеется несколько причин. В качестве одного из наиболее существенных оснований эволюции эпистемологии права в определенном «направлении стало влияние идей и аргументов классического правового реализма на осмысление правовой реальности и сущности права как социального феномена. Критика традиционной юриспруденции в правовом реализме подчеркивает существенный отрыв анализа сущности права от реальной практики судопроизводства и принятия правовых решений в концепциях юридического позитивизма» [1, С. 26]. Именно так видный представитель отечественной аналитической философии А.Б. Дидикин обрисовывает существеннейшую проблему современной правовой реальности, связанную с определенной дистанцией между юридической теорией и практикой. С сожалением констатируем, что они далеко не всегда совпадают друг с другом, а это, в свою очередь, приводит к трудностям в попытках нахождения и определения соответствия между ними. Кроме того, в данном ключе Дидикин отмечает следующее, а именно, что: «популярность идей натурализации в эпистемологии права во второй половине XX столетия связана с множеством противоречий при обосновании объективности и нормативной природы права, позволяющей в контексте традиционных философско-правовых концепций сформировать представление о единой и логически замкнутой системе правовых норм, способных оказывать всеобъемлющее влияние на практику правоприменения» [1, С. 26]. Из этого следует и второе существенное замечание, состоящее в том, что сущность права как социального регулятора в традиционной философии является, мягко сказать, противоречивой, что, в конечном счете, может приводить (и часто приводит) к правовым коллизиям. Суть данных коллизий фактически может быть сведена к тому, например, неоднозначности оценок совершенных деяний. Хотя такие общеизвестные расхождения в оценке выходящих за рамки (порой) идентичных вариантов поведения и последующем применении к ним норм права вступает в противоречия с теорией права и позволяет трактовать некоторые случаи правоприменения как «недопустимые».

На основании вышеуказанных моментов возникает целое направление аналитической философии, суть которого видится, в том числе, и в создании системы аскриптивных правовых высказываний, которую, с учетом имеющихся по данной проблеме работ, вполне справедливо было бы обозначить как некоторое методологическое средство, позволяющее моделировать и прогнозировать правоприменение на практике [1; 2]. Вместе с тем, «сложный процесс взаимодействия правовых норм при квалификации юридически значимого поведения участников правовых отношений, а также необходимость учета формальных процедур при принятии судебных решений вновь актуализировали вопросы разработки новой дескриптивной концепции судопроизводства» [1, С. 26]. Таким образом, проблему можно интерпретировать так: в чем же заключается принципиальная разница между традиционной предписывающей сущностью правовой системы общества и сущностью ее описывающей. В то время как аскриптивная правовая система является достаточно успешной в области предписанных правил и форм существования, дескриптивная – преодолевает такое положение дел и позволяет достаточно эффективно разрешать правовые споры в зависимости от ситуации.

Однако следует указать на затруднение, которое, с нашей точки зрения, связано внутренним противостоянием аскриптивной и дескриптивной концепций, выступающих способами понимания нормативной правовой системы. Мы имеем в виду, что аскриптивность предполагает наличие существующей в разуме системы правил и, в конечном счете, применяемой на практике за счет дедуктивного перехода от общих принципов к частным случаям и необходимости реализации принципов правовой реальности на практике. С другой стороны, дескриптивная система существует в области конкретных правовых реалий, выступая, своего рода, способом описания и объяснения конкретных случаев правоприменительной деятельности.

Исходя из такой дилеммы, и возникает так называемый «натуралистический подход» в философии права, одним из представителей которого является У. Куайн. С одной стороны, в своих трудах он довольно существенным образом критикует так называемое «априорное знание» и использующую абстрактные категории классическую эпистемологию, которая представляется ему ограниченной такими проблемами, которые вытекают из факта существования научных коллективов. Такие «ограничительные результаты» являются не чем иным, как следствием «границ применимости» эпистемологии. К таковым Куайн причисляет «онтологическую относительность» и «неопределенность перевода». К примеру, значение термина «всеобщий» по отношению в тех или иных эпистемологических схемах будет иметь различные смыслы, между которыми и обнаруживаются разрывы. В то же время, имея в виду недоопределенность классической эпистемологии опытом (эмпирическими данными), Куайн указывает на обязательность соответствующего развития современной философии, которое, соответственно, не игнорировало бы специфику эмпирических наук [1; 3; 4-10].

В качестве аргументов, иллюстрирующих вышеотмеченные нами тезисы, приведем выдержки из работы А.А. Печенкина. Так, *критикуя эпистемологию изнутри, Куайн занимается уточнением и развитием ее понятий*: «теория, подтверждение теории, эквивалентные описания». Его эпистемология «говорит не столько о том, как устроено знание, сколько о пределах точности и определенности знания». В соответствии с этим, эпистемология, по Куайну, *является не метанаукой, но одной из наук*, «более того – это раздел психологии в то же время». Так, *в качестве одного важнейших критериев он выделяет простоту теории, как психологическая категория*. В то же время, *в основе теории не может лежать исключительно опыт, но необходимо также рассматривать и принимаемые исследователями конвенции*. В итоге Куайн настаивает на единстве науки и метафизики, поскольку «знание едино: строя научную теорию мы включаем в свое построение те или иные философские положения, те или иные аргументы от здравого смысла» [3].

Применительно к философии права, мы обнаруживаем, что данные идеи Куайна могут быть применены к минимизации слабых сторон аскриптивной и дескриптивной теорий. С одной стороны, утверждается, что рациональный метод (аскриптивное понимание сущности права) не дает существенного продвижения в правопонимании и не дает эффективного поля и способа для правоприменения. С другой, использование исключительно эмпирических методов познания (дескриптивного понимания сущности права) является путем «в никуда», что, главным образом, определяется необходимостью рассматривать каждое дело в отдельности. Более того, логика У. Куайна соответствует бэконовской концепции познавательных возможностей человека. Именно по этой причине в западноевропейской традиции формируется так называемая «прецедентная система права».

Общеизвестно, что под судебным прецедентом («случай») как источнике права принято понимать некоторое решение определённого суда и по конкретному делу. Он выступает образцом для решений, выносимых по аналогии в последующем в рамках конкретного производства. Как и другие источники права, прецедент может устанавливать какие-либо нормы, изменять или отменять их [11; 12]. При этом судебный прецедент становится основанием для формирования системы права в странах Западной Европы, позволяя достигнуть определенной степени универсальности в правоприменении, одновременно находясь на уровне конкретных юридических фактов.

В системе таких аргументов, определяющих и обосновывающих систему юридических правил в структуре права как системы, происходит сближение правового позитивизма и правового реализма [13]. Здесь, по Куайну, реализуются несколько существенных правил – первичные и вторичные [1;13], интерпретация которых будет представлена ниже.

Первые из них формулируются исходя из практики существующих правоотношений, а их сущность определяется через выполнение ими регулятивных функций. Это означает однозначный позитивный ответ на возникающий вопрос о возможности поиска их эмпирических обоснований. Таковым, например, может являться судебная практика

разрешения тех или иных споров. Природа вторичных правил, наоборот, не является эмпирической. Их легитимность напрямую зависит от достижения политического компромисса через нормативное закрепление на конституционном уровне, а также от того, насколько реально соблюдаются данные нормы на уровне должностных лиц в повседневной практике (с другой стороны, не стоит забывать и о применении соответствующей для них ответственности) [1; 13]. Отсюда следует, что компромисс подобного рода является детерминантой, оказывающей влияние на формирование правовой системы. Однако наиболее важным, на наш взгляд, является также необходимость принимать во внимание и его неюридический характер.

По мнению профессора А.Б. Дидикина, чьи взгляды уже приводились в тексте настоящей работы, «в проекте натурализованной эпистемологии права неслучайно такое позитивистское рассуждение о вторичных правилах рассматривается как проявление традиционной эпистемологии, в которой априорное знание редко опирается на эмпирические данные отраслевых юридических наук как средство обоснования философских и научных выводов. Отсюда сформулированное по аналогии с аргументом Куайна предложение о замене классической нормативной теории права на иные дескриптивные теории, способствующие успешному изучению практики правоприменения» [1, С. 27]. Таким образом, принципиальный характер роли идей У. Куайна в рассматриваемой проблеме подтверждается тем, что именно он обратил внимание на разницу в методологическом подходе к пониманию сущности права как нормативной системы, обозначил разрыв между аскриптивной и дескриптивной концепцией правовой реальности и указал определенные аргументы в пользу их синтеза, что, в конце концов, позволяет минимизировать разрыв между правовой теорией и правоприменением.

Вместе с тем, Куайн привнес в понимание сущности правовой реальности (системы права и его сущности) весьма существенное концептуальное понимание. Необходимо сказать, что язык как предмет изучения лингвистической философии может быть понят совершенно разными способами. Так, видный представитель отечественной социальной эпистемологии И.Т. Касавин указывает на двоякое понимание языка в рамках лингвистического поворота. Одна сторона понимания языковой реальности связана с выполнением ею коммуникативной функции. С этим сложно не согласиться, поскольку язык как система и правовой язык как его разновидность в целом, в первую очередь, используются для передачи информации [14]. Здесь мы сталкиваемся со множеством проблем. Речь идет о том, что существенной в области использования языка в коммуникационном процессе становится проблема декодирования. Поскольку любое декодирование предполагает перевод значения в знаковую (языковую) область в рамках смысловой реальности с последующей трансляцией другому лицу, оно неизбежно сталкивается с вариациями вопроса «как правильно осуществить декодирование полученного сообщения?» [15]. Данное затруднение связывается с тем, насколько хорошо получатель сообщения способен воспринять стоящие за знаковыми структурами смысла множества значений, то есть насколько качественно слушающий способен перевести полученный текст на язык той реальности, в которой живет он сам.

Другую сторону понимания языковой реальности в куайновской концепции, по мнению И.Т. Касавина, возможно обнаружить через понимание категорий, восходящих к скиннеровскому бихевиоризму «Стимул-Реакция» (S-R) [8; 10; 14; 16]. Язык, в том числе и правовой, становится основанием для взаимодействия и существования людей, формирующих собственное положение в социуме. При этом, Касавин отмечает многократные обращения Куайна к воображаемым этнографическим ситуациям, которые являют собой наглядные образцы, иллюстрирующие понимание языка как обозначения поведенческих реакций [7; 14]. В работе Касавина приводится пример с дождем. Данный пример свидетельствует о процессе передачи информации в языковой форме во фразе «идет дождь» для первобытного человека. Для данной эпохи первоочередное значение состоит не столько в получении нового знания, сколько в том, чтобы предпринять определенные действия, которые бы с одной стороны соответствовали социальному его существованию, а с

другой – обеспечили ему поддержание жизнеспособности. При этом Куайн указывает, что для первобытных людей факты, описываемые в словах и выражениях, выражают не столько интеллектуальные конструкции, сколько факты, существующие в самих моделях поведения. Несколько развернем пример с той же фразой, обратившись к Модерну. Так, с французского языка «Il pleut» означает «идет дождь». Однако с учетом социальной динамики, справедливым и дословно задуманным переводом из, например, верленовского произведения данное словосочетание будет означать «он плачет» [17]. Не вдаваясь в различные социокультурные контексты, лишь отметим, что такие обращения к «многовариантным переводам» имманентно прослеживаются в куайновских онтологических идеях.

При объяснении куайновской позиции И.Т. Касавин указывает, что для него «основой понимания языка являются одинаковые способности восприятия и наблюдаемые факты, аналогичная логика рассуждения, а также идентичные значения слов, обозначающих одни и те же объекты» [14, С. 40-41]. Согласно идеям У. Куайна, принцип милосердия заключается скорее не в устремлениях определить семантику (значение) терминов, а в эвристической максиме здравого смысла, который по сути говоря и направляет интерпретатора. Выходит, что содержание принципа милосердия в идеях У. Куайна «состоит в тезисе *идентичности субъекта* коммуникации и познания в стиле знаменитого картезианского «разум един у всех людей». Все люди примерно одинаковы по своим когнитивным способностям, существуют в сходных обстоятельствах, и это положение дел остается относительно стабильным в течение времени» [14, С. 41]. Сказанное означает следующее. Во-первых, существует некоторое большое поле значений, которое содержится в мышлении каждого отдельного человека как социального субъекта и воспроизводится при восприятии конкретных вербальных конструкций. Из этого, как показывает У. Куайн, и следуют возможности непосредственного влияния языковых форм на действительность и принципы поведения субъектов социальной интеракции. Другим моментом становится факт того, что познавательные способности человека невозможны вне социальной среды, основу организации которой составляют дескриптивные правила существования человека. Для Куайна это означает, что право как нормативная система напрямую определяет принципы не только социального существования человека, но и его познавательные способности [18].

Рассуждая онтологически, приходим к выводу, что в таком ракурсе правовая реальность становится способом организации человеческой реальности, восходя от ее физиологических характеристик к интеллектуальным. Причиной возникновения принципа милосердия становится так называемая социальная интеракция, в ходе которой множеством субъектов проговаривается или иным способом воспринимается плюрализм языковых форм. В рамках куайновской логики происходит реализация принципа, согласно которому любое произведение культуры создается исключительно по причине того, что «оно изначально рассматривается как имеющее смысл, ибо содержит глубокий замысел автора, опирается на какие-то отношения в объективной реальности, а также обоснованно вызывает признание компетентной публики» [14, С. 41]. Фактически такое решение проблемы формирования произведений творчества (в том числе правотворчества) является не бесспорной, но, тем не менее, дает возможность развития позитивного сценария, связанного с пониманием произведений культуры и последующей их оценки по достоинству: «В образе принципа милосердия выступает, таким образом, *идея эпистемологического оптимизма*, требующая все нового обоснования перед лицом философского скептицизма – вечного оппонента сторонников реализма» [14, С. 41]. Необходимым представляется отметить, что эпистемологический оптимизм содержит в себе исходный принцип позитивного отношения к правилам, регламентирующим познавательные процессы человека. Учитывая, что субъекты коммуникации и познания тождественны друг другу, подобный оптимизм касается и социальной реальности через общение. Значит, правовая реальность как вид нормативности воспринимается Куайном в духе оптимизма и оценивается как достаточно эффективно описывающая общественные отношения и взаимодействия социальная система.

Дальнейшие куайновские рассуждения связываются с множеством социальных субъектов, контактирующих между собой и способных высказывать некоторые положения об одном и том же предмете, которые содержательно могут совершенно по-разному описывать обозначаемый предмет. Как следствие – данные субъекты не всегда способны достигнуть взаимопонимания. Для того, чтобы социальная реальность все-таки могла существовать в своей системной ипостаси У. Куайн вводит так называемый «принцип доверия» (необходимо отметить, что в аналитической философской традиции данный принцип введен Н. Уильсоном) [19], который истолковывается как основание при интерпретации суждений другого, того что они осмысленны и имеют возможность разумной интерпретации. По своей сути это означает, что существует возможность исключения логических ошибок и противоречий в суждениях в силу приписывания им рациональной интерпретации. В ходе интерпретационной практики на основании принципа доверия формируется стремление множества социальных субъектов понять другую точку зрения исходя из исторической ситуации познающего. При этом все коммуницирующие субъекты воспринимают друг друга в качестве рациональных субъектов, осознанно совершающих свои действия.

Принцип доверия реализуется в практике правоприменения, поскольку правовая система предполагает рациональность всех субъектов правоприменительной деятельности. Более того, можно сказать, что в дескриптивной системе права принцип доверия становится базовым структурным элементом. Объясняем это тем, что с одной стороны он позволяет сформировать универсальные принципы правовой реальности, а с другой – эффективно использовать такие принципы на практике. При этом принцип доверия позволяет сформировать коммуникационный процесс в правоприменительной области в весьма интересной форме. Он позволяет добиться взаимного понимания сторон правоотношений и одновременно использовать каждой из сторон ту систему значений, которая для каждой из сторон наиболее привычна. Для Куайна очевидно, что «основным понятием гарантирующим истинность или ложность эмпирической значимости языка служит отношение между предложениями наблюдения и обстоятельствами произнесения» [20, С. 79]. Завершая «через-куайновское» осмысление правовой реальности, приходим к выводу, что правовая реальность становится контекстуальной и дающей возможности существенной интерпретации и адаптации к достаточно большому объему конкретных, эмпирических ситуаций. В конечном счете, это позволяет сформировать достаточно «гибкую» систему права. При этом У. Куайн вводит в оборот «принцип неопределенности», суть которого состоит в неопределенности интерпретации. Последнее означает, что любая языковая реальность, любой социальный контекст могут быть интерпретированы непредсказуемым образом в зависимости от слишком многих факторов. Отсюда мы можем сделать и вывод о том, что правовая реальность вопреки наличию мнений о ее неизменчивом характере становится не просто «гибкой», но еще и динамической системой, стремящейся к постоянному развитию.

Литература

1. *Дидикин А.Б.* Границы применимости аргументов У. Куайна в эпистемологии права // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2014. – № 4 (28). – С. 26–32.
2. *Оглезнев В.В.* Дескриптивный и аскриптивный подходы к объяснению действия // Scholé. Философское антиковедение и классическая традиция. – 2016. – Т. 10. – № 2. – С. 471–482.
3. *Печенкин А.А.* От Куайна к феминистскому эмпиризму: кризис эпистемологии в современной философии науки // Философские изыскания: Московско-Петербургский сборник. – М.: Изд-во Моск. ун-та. – 2011. – Т. 2. – С. 193–214.
4. Quine W.V.O. Epistemology naturalized // Quine W.V.O. Ontological relativity and other essays. Columbia Univ. Press. 1969. P.83.

5. Quine W.V.O. On mental entities // Quine W.V.O. The ways of paradox. Cambridge (Mass): Harvard Univ. Press. 1966.
6. Quine W. On Natural Deduction // Journal of Symbolic Logic. 1950 Volume 15. Issue 2 (Jun.) pp. 93-102.
7. Quine W. On the theory of types // Journal of Symbolic Logic. 1938. Volume 3. Number 4 (Dec.). pp. 125-139
8. Quine W. Ontological reduction and the world of numbers // The Journal of Philosophy. 1964. Volume LXI. No. 7 (March). pp. 209-216
9. Quine W. Ontology and ideology revisited // The Journal of Philosophy. 1983. Volume LXXX. No. 9 (Sept.) pp. 409-502.
10. Quine W. Theories and things. – Cambridge, MA: Belknap Press, 1986. — 216 p.
11. Богдановская И.Ю. Эволюция судебного прецедента в «Общем праве» // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2010. – № 2. – С. 75–87.
12. Сидоров В.П., Грицкевич Ю.Н. К вопросу о признании судебного решения судебным прецедентом и источником права // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Экономика. Право. Управление. – 2015. – № 2. – С. 160–165.
13. Оглезнев В.В. Концептуальный анализ как методологическое средство аналитической юриспруденции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2011. – № 4. – С. 46–51.
14. Касавин И.Т. К эпистемологии коммуникации: сила и слабость аналитического оптимизма // Вопросы философии. – 2014. – № 7. – С. 39–49.
15. Феррони В.В. Философская проблема понимания: от классики – к современности. Часть 1. Классика // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2013. – № 2 (10). – С. 50–71.
16. Skinner B.F. Verbal Behavior. – Appleton-Century-Crofts, Inc. New York, 1957. — 478 p.
17. Verlaine P. Poesies. – М.: Прогресс, 1977. – 320 с.
18. Куслий П.С. У. Куайн и семантика контекстов пропозициональных установок // Эпистемология и философия науки. – 2012. – № 3 (33). – С. 207–212.
19. Ладов В.А. Ограничения на "Charity" и возможность концептуальных различий в коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2009. – № 4. – С. 22–27.
20. Картавцева С.Н. Теория интерпретация Д. Дэвидсона и принцип радикальной неопределенности У. Куайна // Культура. Духовность. Общество. – 2015. – № 18. – С. 78–81.